

К 85-летию со дня рождения А. М. Горького



Один из старейших шахт Донбасса носит имя А. М. Горького. Здесь, в библиотеке и общешахтских, проводятся горьковские чтения, организованы выставки книг. На самом видном месте вывешен текст телеграммы, присланной горнякам 19 лет назад писателем. Алексей Максимович писал о большом счастье жить в эпоху гитанского роста пролетариата, о большой радости видеть сказочные результаты его труда, о том, что он гордится успехами горняков шахты имени Горького и желает им здоровья и новых побед.

Высокие задачи поставили перед советской литературой XIX сфера партии. Партия нашла в нем осуществление, наши писатели с огромной пользой для себя будут обращаться к неисчерпаемому источнику народного опыта — к наследию основателя нашей литературы, будущего по-грозьковски выполняющего свой долг перед Родиной.

4. Сократить наполовину срок наказания осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет.

5. Прекратить производством во следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о совершенных до издания настоящего Закона преступлениях:

а) за которые в законе предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или другие меры наказания, не связанные с содержанием в местах заключения;

Председатель Президиума Верховного Совета СССР  
К. ВОРОШИЛОВ  
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР  
Н. ПЕГОВ

МОСКВА, КРЕМЛЬ.  
27 марта 1953 г.

Отражая глубокие симпатии народов арабских стран к гениальному писателю, вышедшему из народа, газета «Ас-Сарха» пишет: «М. Горький умер, но его произведения будут жить в веках».



# ЗАВЕТЫ ГОРЬКОГО

Гениальный художник слова Алексей Максимович Горький всем своим вдохновенным творчеством служил торжеству социалистической революции.

С огромным подъемом, с радостью и воодушевлением выражал он в своих очерках, публицистических статьях и выступлениях творческий энтузиазм народных масс, создающих социализм.

Он находил чудесные, чистейшие, прозрачные слова, чтобы передать великие чаяния и стремления, великую решимость и творческий подъем народных масс.

Воспитанный Коммунистической партией, ее гениальными вождями Лениным и Сталиным, великий писатель являет пример глубокого понимания совершающихся процессов действительности, исторической прозорливости.

Советская литература навсегда сохранит этот прекрасный и величественный пример творчества, неразрывно связанного с жизненными задачами, которые решает Коммунистическая партия советского народа. Это образец для каждого советского писателя.

С глубочайшим проникновением воссоздает Горький образ социалистической Родины, где на огромных пространствах и в огромных масштабах совершается рождение нового. В «железном шуме этой великой работы, в непрерывном, героическом напряжении трудовой энергии» раскрывалась перед ним новая действительность. Гениальный писатель востро видел в действительности воплощение того, о чем на всем протяжении истории мечтали лучшие представители человечества. Глубоко взволнованный, он как жадно наблюдал «реальные, физические осязаемые факты строительства новой жизни, создание нового человека»...

Горького бесконечно увлекал мощный шум социалистического строительства. С гордостью за свой народ он постигал, как рождается новый, невиданный прекрасный мир. С пристальным вниманием следил Горький за жизнью советских людей, создающих социалистическую жизнь. Он настойчиво подчеркивает, что в нашей действительности нет мелких дел — все дела равно велики. С волнением и радостью наблюдает он небывалый рост творческих сил народа.

Как драгоценнейшие черты новой действительности, Горький собирает факты и свидетельства изумительного мужества, великой талантливости советских людей, их преданности делу строительства социализма, их стойкой воле, их всепоглощающему энтузиазму.

Восхищение Горького вызывает советская молодежь, которую он называет поколением героев, поколением, вышедшим из орлиных гнезд. Он называет советскую действительность колоссальной всеобщей школой, воспитывающей новых людей, подчеркивает, что советское социалистическое общество насквозь проникнуто духом подлинного гуманизма.

«Я чувствую себя счастливым человеком. Большое счастье дожить до таких дней, когда фантазия становится реальной, физически осязаемой правдой», — говорит он, и это ощущение праздничности, прекрасного жизненного познания, безграничности творческих дерзаний переполняет все создаваемое Горьким в годы великих сталинских пятилеток.

## И. АНИСИМОВ

Раскрывая во всем величии борьбу советского народа за социализм, великий патрист Горький ни на минуту не забывал о непримиримом враждебном капиталистическом окружении, которое готово на самые отвратительные и кровавые преступления. С возмущением и ненавистью пишет Горький о трагическом идиотизме буржуазной действительности и прогрессивном одиночестве буржуазии, о том, что растленный капиталистический мир охвачен явным безумием.

Горький твердо верил, что народы мира могут расстрелять коварные замыслы империалистов, могут предотвратить войну.

«Вы в силах не допустить войны», — говорил он простым людям всего мира. — «Вы и все люди, которые еще способны понять бессмысленность и преступность новой империалистической войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства».

Горький неустанно призывал миролюбивые народы к бдительности, к разоблачению происков поджигателей войны, пытающихся помешать росту и укреплению могучего лагеря социализма и прогресса, возглавляемого Советским Союзом.

Он предупреждал трудящихся, что враги мира и социализма, прикрываясь всевозможными личинами, творят свое мерзкое дело. Он писал:

«В нашей среде, оказывается, прячутся мерзавцы, способные предавать, продавать, убивать. Существование таких мерзавцев недопустимо. Оно было бы невозможно, если бы мы в текущей ежедневной героической работе не забывали о том, что враг еще жив, что он следит за нами из всех углов и всегда способен воспользоваться каждым нашим промахом, ошибкой, оговоркой. Враг вполне заслуживает непрерывного внимания к нему, он доказал это. Нужно уметь чувствовать его, даже когда он молчит и дружелюбно улыбается, нужно уметь подмечать неуловимую фальшивость его тона за словами его песен и речей. Нужно истреблять врага безжалостно и беспощадно...»

Вся деятельность Горького советской эпохи была проникнута заботой об укреплении могущества социалистического государства — оплоты мира и безопасности народов.

Разрабатывая проблемы социалистической эстетики применительно к тем задачам, которые ставят перед писателями советская действительность, Горький призывал показывать свою правду жизни. С большой остротой поставил он вопрос о требованиях к реалистическому искусству — раскрывать самые существенные и типические черты действительности.

Рассказывая писателям о замысле коллективной работы «Две пятилетки», он подчеркивал:

«Основная тема нашей книги: социалистический труд как организатор нового человека, и новый человек как организатор социалистического труда. Нужно показать взаимодействие делового и ослепленного на делецтва и показать обратное взаимодействие. Этот двусторонний процесс идет и дальше еще не развернувшись в такой широте, как у нас. В этом процессе для ма-

жетер живовис словом скрыто множество различных тем крупнейшего социального интереса. Для того, чтобы найти их, развернуть, разработать с должной и предельной яркостью, следует, на мой взгляд, считаться с тремя действительностями: с прошлым, откуда идут все посылки, с настоящим, которое борется против прошлого, и будущим, которое уже видно в общих очертаниях. Кроме этого, следует считаться и с правом искусства преувеличивать, выражаясь как типизация — соединение — мелких, но наиболее частых явлений в единое крупное, которое и покажет обобщенный смысл мелких фактов».

Нет сомнения в том, что эти эстетические суждения Горького имеют жизненно важное, актуальное значение для настоящего времени, для текущего момента советской литературы.

Призывая писателей к бдительности, Горький неслучайно ставил задачу борьбы советской литературы против всего враждебного и чуждого интересам социализма. Только полностью позавы Горького, можно было предаваться разглагольствованию о «бесконфликтности» в советской литературе, что позволяло себе некоторые неадекватные советские критики.

В обличении отрицательных явлений Горький требовал от писателя беспощадности. Коллегия требует сарказма, говорил он. Именно эту свяшенную обязанность советской литературы проявлял «страстную беспристрастность обличения» дельцов, саботажников, шкурников, халтурщиков, дураков, пошляков и прочих уроков», проявлял глубочайшую непримиримость ко всему, что стремится помешать торжеству коммунизма. Горький имел в виду, считая это важнейшим и основным качеством советского писателя, когда он говорил: «Современная действительность предъявляет к людям искусства требования — активного участия в борьбе, начатой в мире волею трудового народа, коммунизмом против капитализма — источника всемирного зла и горя, против бесчеловечной, жалкой и подлой группы всемирных грабителей, которые давно утратили свою творческую силу, все еще продолжают защищать свою диническую власть над сотнями миллионов людей».

Жгучую, несокрушимую ненависть Горького к миру империалистического варварства, к порокам, недостаткам, болезненным явлениям в нашей действительности нельзя отделить от великой любви Горького к новой и прекрасной социалистической действительности, от безграничной веры его в будущее, в неистощимые силы советского народа. С гордостью и восхищением он говорил о том, что в советской стране возникает и уже возник во всем его благородстве и духовной красоте «человек нового человечества».

В Коммунистической партии, в Ленине и Сталине Горький видел высочайший образец беззаветного служения народу, воплощение мудрости, чести и совести нашей эпохи.

Неоценим вклад Горького, великого наставника человеческих душ, в борьбу за дело коммунизма, который в наши дни становится осязаемой реальностью.

Великий сын великого народа и сегодня участвует вместе с нами в борьбе за коммунизм.

# ЖИВОТВОРНЫЕ ТРАДИЦИИ

## Д. НОВИЧЕНКО

Начало все возрастающего влияния Горького на мировую украинскую литературу относится еще к эпохе первой русской революции. Наиболее отчетливо оно проявляется в лучших произведениях М. Коцюбинского и Лески Украинки. С огромной симпатией к Горькому относился Иван Франко, назвавший великого Буревестника революции «одним из светочей русского народа», В. Стефаник, О. Кобылянская и другие украинские писатели демократического лагеря.

Но особенно велико и ни с чем не сравнимое влияние Горького на украинскую советскую литературу — органическую составную часть всей многонациональной литературы страны Советов. Творчество Горького стало для писателей Советской Украины, как и для всех авторов нашей Родины, всемирной школой социалистического реализма, школой высокой идейности, народности, правдивости, художественного мастерства.

Один из сложнейших вопросов в своем идейно-творческом развитии — вопрос о глубоком постижении нового, социалистического гуманизма — Н. Тычина успешно решил под непосредственным влиянием Горького.

Именно Горький, наряду с Маяковским, помог М. Бажану, как и многим другим нашим писателям, воспринять умом и сердцем великий ленинский принцип партийности художественного творчества и воплотить его в своей поэзии. Влияние Горького можно проследить и на романах А. Голуба «Бурьян» и «Мать», сыгравших существенную роль на первых этапах развития украинской советской литературы.

Все это лишь отдельные примеры — воздействие М. Горького на творческое развитие украинских советских писателей неслучайно глубоко и многогранно. И самое это воздействие неотделимо от всех исторических побед социализма в нашей стране, обуславливающих бурный расцвет украинской советской литературы, неотделимо от могучего влияния всей передовой русской культуры на духовный облик украинского народа.

Учениками Горького по праву называют себя все передовые писатели Советской Украины, на деле помогающие партии и народу строить коммунизм.

Горьковские традиции — в широком смысле этого слова — продолжает, расширяет, в своих лучших произведениях А. Корнейчук.

его песни наглядно показывают, убеждающей, антигорьковской теории «бесконфликтности», они насыщены страстью борьбы. Конфликт в песнях Корнейчука строится в остром столкновении характеров, воплощающих в себе различные идеи и взгляды. Он строится по принципу передового в жизни. По принципу непримиримого разоблачения всего чуждого и враждебного коммунизму. Украинские драматурги учились этому прежде всего в творческой школе Горького — писателя, умевшего, как никто другой, показывать борьбу различных миропоятий, различных идейных начал.

Горьковский принцип развития характера, который заключается прежде всего в том, что положительный герой — представитель народной массы в борьбе за социалистический идеал духовно растет, становится все лучше, богаче, талантливее, ярче, содержательнее, как личность, — воплощен в той или иной степени и в «Знаменосцах» Гончара, и в «Большой родне» Степанько, и в ряде других крупных произведений современной украинской поэмы.

Но в нашей литературе встречается и обидные промахи и существенные недостатки. Их можно было избежать, если бы все мы более настойчиво учились у Горького. Не по-горьковски это, что украинские писатели все еще мало и во многих случаях невыразительно пишут о рабочем классе, успехах и победах которого так радовался Горький. Не по-горьковски это, что наша кипучая советская современность не находит еще достояния, всемирного отражения на страницах украинской литературы художественных журналов.

Все еще недостаточно освещается на Украине художественное мастерство Горького — и в этом главная вина падает на нас, критиков. А ведь у кого в первую очередь, как не у Горького, надо учиться умению создавать глубоко типические и в то же время индивидуальными образами, умению ярко показывать духовную жизнь героев, решающих величайшие социальные проблемы эпохи.

Долг нашей критики — не только академически исследовать горьковские традиции, но и бороться за их последовательное воплощение в жизнь, содействовать дальнейшему обогащению и развитию этих животворных традиций в современной украинской литературе.

# „ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ“

27 марта в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР открылась сессия «Горьковские чтения», посвященная 85-летию со дня рождения А. М. Горького. Вступительное слово сказал директор института проф. И. Анисимов.

И. Успенский в докладе «А. М. Горький — великий обличитель мирового империализма» охарактеризовал огромный вклад, внесенный творчеством Горького в борьбу прогрессивного человечества против империалистической реакции, в борьбу за торжество дела мира, демократии и социализма. Горький в своем обличении буржуазного строя Америки и Западной Европы развивал и обогащал традиции русской классической литературы.

Следуя за Лениным, охарактеризовавшим на VII Всесоюзном съезде Советов в 1919 году Вильсона, Клемансо и Ллойд-Джорджа, как «самых худших из личностей, зверей империализма...», писатель разоблачал захватническую политику этих лиц, ставших во главе правительств и осуществлявших волю буржуазии своих стран. Горький переключился в этом отношении с Маяковским, также поднимавшим свой голос против Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо.

Горький призывал все трудящееся человечество принять участие в борьбе с империализмом. Голос его был услышан. Многие мастера культуры — Роман Радзис, Ари Барбюс, Иоганнес Бехер, Теодор Драйер, Мартин Андерсен Нессе — стали славными соратниками Горького в борьбе за мир и демократию.

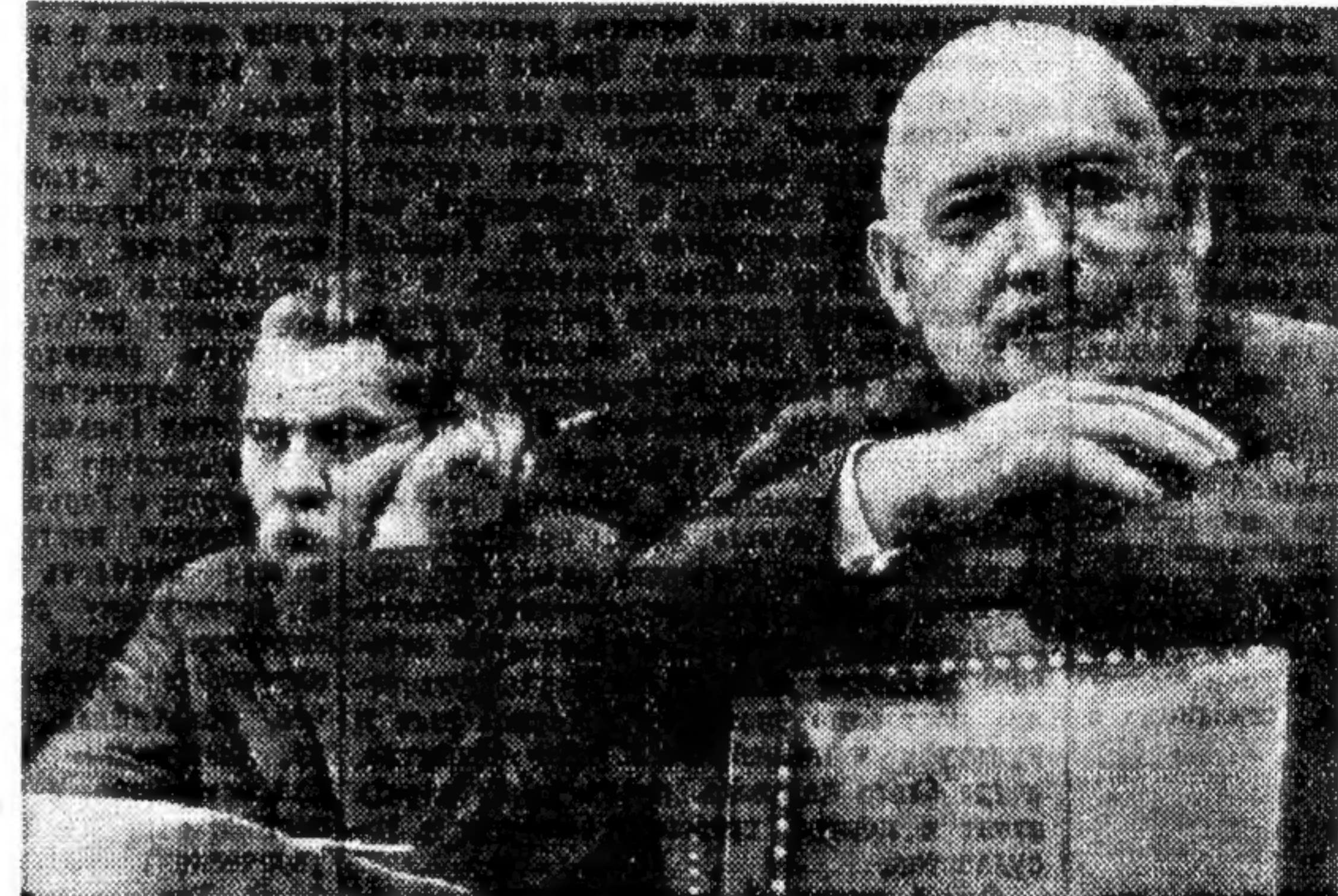
В докладе А. Синявского «Художественная структура романа «Жизнь Клима Самгина» рассматриваются вопросы композиции и сюжета горьковского эпоса. Докладчик показывает, как содержание романа определяет его структуру. Образы представителей реакционного, антидемократического лагеря объединяются вокруг Клима Самгина: все они отражают отдельные направления и разновидности буржуазной идеологии, а Самгин предстает, как широко обобщенный литературный тип, полно и остро выразивший сущность целой общественной среды — буржуазной интеллигенции.

Указывая на связующую роль характера Самгина, докладчик подчеркивает, что этот образ не является единственным композиционным стержнем повествования. Вся сложная образная система выложена в общий процесс исторического развития, который и составляет основу в движении сюжета. Сцены и образы, связанные с темой народа и революции, приобретают особое композиционное значение. Разбросанные по всему повествованию, но связанные друг с другом, они составляют костяк истории четырех десятилетий, получившей всестороннее отражение на страницах эпоса.

Важную роль в композиции романа играют образы большевика Степана Бутузова. Его выступления раскрывают закономерность происходящего, указывают на направление исторических процессов, предвещают дальнейшие события.

Важнейшими моментами в развитии сюжета являются события, которые служат крупнейшими вехами в истории всего русского общества: появление революционной социал-демократии, связанной с рабочим движением, революция 1905 года, приход В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года.

Сегодня на заседании сессии состоялись доклады А. Овчаренко — «Принцип типизации в романе «Мать», Е. Татера — «Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького и А. Тарарова» — «Нереплика А. М. Горького с Ф. И. Шляпниным» (сообщение о материалах архива А. М. Горького, подготовленных к печати).



А. М. Горький и Демьян Бедный (1935 год)

Фото И. ПАГИНА

## А. ФАДЕЕВ

# Некоторые вопросы работы Союза писателей

## 1. О романе В. Гроссмана «За правое дело»

В оценке романа В. Гроссмана «За правое дело», приведшей к тому, что роман в таком виде появился в печати, большинство редакционной коллегии «Нового мира» и большинство секретариата Союза писателей совершили ошибку — ошибку идейного характера. Наибольшая ответственность за эту ошибку лежит на мне и на А. Твардовском, поскольку именно наше неправильное мнение о романе в значительной мере предопределило ошибку секретариата и редакционной. Постараюсь раскрыть смысл нашей ошибки и сделать из нее необходимые выводы.

Как можно определить тему опубликованной первой книги романа, если рассматривать эту тему с точки зрения авторской претензии? Я думаю, что эту тему можно определить в общих чертах так: советские люди в обороне Сталинграда. Но в центре произведения поставлены люди, которые никак не могут представлять советских людей на фронте и в тылу, и особенно в период обороны Сталинграда. Но в центре произведения поставлены люди, которые никак не могут представлять советских людей на фронте и в тылу, и особенно в период обороны Сталинграда. Но в центре произведения поставлены люди, которые никак не могут представлять советских людей на фронте и в тылу, и особенно в период обороны Сталинграда.

Коммунисты, такие, какими они изображены в романе Гроссмана, не могут представлять нашу партию, как руководящую и направляющую силу советского общества; они не являются теми чертами, которые характеризуют деятелей ленинско-сталинского типа.

Вся расстановка сил в романе такова, что наиболее активные силы нашего советского общества или не выведены на первый план, или выведены на задний план.

первый план для даны бледно. Такое изображение людей и событий в романе не случайно.

В основе романа лежит реакционная идеалистическая философия, выраженная устами действующих лиц романа — академика Чепыжова и профессора Штрума, которых автор избрал, как главных выразителей его собственных взглядов.

Сущность этой философии не нова: жизнь будто бы в основе своей неизменна, в жизни все повторяется, развитие совершается по кругу. Германский фашизм объяснен тем, что в народе существуют якобы извечные начала жизни — начало добра и начало зла. В зависимости от обстоятельств, в народе, так же как и в человеке, на поверхность всплывает либо начало добра, либо начало зла. Сущность фашизма, по Чепыжову и Штруму, состоит в том, что начало зла всплыло наружу в германском народе. Нужно ли говорить, что это немарксистская, антиленинская «философия истории».

Теория «круговорота» не нова и для самого Гроссмана: он проводил ее еще в пьесе «Если верить пифагорейцам». Попытка продвинуть эту реакционную теорию в нашу литературу была и раньше. Следует вспомнить, например, некоторые литературные дискуссии 1939—1940 гг. в разоблаченные тогда же высказывания М. Лифшица в журнале «Литературный критик» о «вечных категориях действительности», о теории «круговорота». Для подтверждения идеи круговорота Лифшиц ссылался на Вико, на Гераклита, на Эвклида. Но он уличал, что эта реакционная идея в наше время появилась на свет — и не случайно — один из идеологов загнивающего капитализма Шпенглер.

Нечего и говорить о том, сколь враждебно эта идея нашему марксистско-ленинскому мировоззрению.

«Диалектический метод», — учит товарищ Сталин, — считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему».

Реакционная теория вечных, неиз-

меняемых, а только периодически повторяющихся начал жизни лежит в основе романа Гроссмана. И с этой точки зрения автору удобнее, чтобы в центре романа находились люди, существование которых не требует борьбы и великих идей преобразования общества, а будничная жизнь. «Порядок и беспорядок, покой и движение, «благородная простота и спокойное величие» — это противостоит бурным проявлениям жизни — все это понятия, которые относятся к вечным категориям действительности», — писал в свое время Лифшиц, точно предвосхищая позицию романа Гроссмана.

Мы вовсе не хотим сказать, что Гроссман не имел права в своем романе вынести «профессора», который придерживается подобного рода взглядов. Неправильно было бы из критики романа Гроссмана на страницах советской печати сделать вывод, что изображение людей, противостоящих нам, людей с враждебной философией, недопустимо в советской литературе. Однако, мы можем и должны показывать наших противников, чтобы еще ярче показать правоту наших взглядов и победу нашего дела. Но Гроссман наделил Чепыжова и Штрума своей подчеркнутой авторской симпатией. И это делает для читателя ясным, что реакционные взгляды Чепыжова и Штрума являются взглядами автора.

Не за то порицает роман Гроссмана, что у людей, погруженных в «будничную» жизнь, нет в советской действительности или что такая семья, как семья Шпанюковых, не может существовать. Вследствие недостатков нашей воспитательной работы и противоречий нашего развития, у нас еще немало людей, более или менее добросовестно выполняющих свои служебные обязанности, но интересы которых вращаются только в кругу семьи, или, во всяком случае, не выходят за пределы мелких бытовых интересов. У нас есть люди, которые несут в себе откровенные или прикрытые красивой фразой пережитки абстрактности. Показ таких семей возможен и полезен. Но Гроссман сделал подобную семью как бы главной выразительницей чувств советских людей.

Поставив эту в общем бытовую семью в центре романа, он тем самым исключил жизнь.

Откуда атмосфера утраты, обреченности, которая накладывается на роман, ведь переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему».

нее и прочее, но, в конце концов, жизнь остается в общем бессмысленной и трагичной. Вот, собственно говоря, вся «философия» этого романа. Отсюда принципиальная бедность большинства действующих лиц и бессмысленность и случайность гибели некоторых из них. Автор понимает необходимость волевого в орбиту романа представителей разных слоев нашего общества, но благодаря неверной концепции роман не растет в глубину, а лишь разрастается в ширину, и отсюда его композиционная рыхлость. Многие в общем правильные положения — например, о роли партии, — даны в романе только декларативно.

В обрисовке шахтера Новикова или в картинах колхозного труда в конце первой книги романа чувствуется торжественность авторского пера, показывая, что автор пишет это без любви и как бы по обязанности. Манера Гроссмана свойственна о большому и о малом писать ровным голосом и лирично.

Вместе с тем роман написан человеком, который обладает несомненным профессиональным умением. Талант автора виден в ряде сцен и в ряде образов. Живая жизнь с ее высоким борецким, та реальная жизнь, которая происходила вне романа, эта жизнь, нет-нет, и разрывая нарочито будничное повествование, заявляет о себе. В романе есть хорошие, правдивые страницы, относящиеся к образам Вавилова, Березкина. Сильные боевые эпизоды в глазах защитника вокзала и некоторые другие фронтные сцены. Остро показан фашистский лагерь. Однако эта сторона дела не может сыграть идейной порочности романа в целом и протекновения отсюда его коренного идейно-художественного недостатка — неверного подхода к изображению советского человека, принижения его.

Вот почему наша ошибка должна быть признана крупной ошибкой. Она свидетельствует о том, что мы, люди, попустившие ее, не проявили необходимой идейной требовательности и принципиальности и, таким образом, способствовали появлению в печати вещи идеологически вредной.

Каким образом получалось, что большинство секретариата, где имеются относительно опытные в литературных делах люди, каким образом получилось, что они могли просмотреть такие крупные идейные пороки романа? Были ли до появления романа в печати голоса, которые сигнализировали бы об этом? Да, такие голоса были, и их было немало.

Вокруг этого романа и до появления его в печати шла длившаяся ряд лет дискуссия. Эта дискуссия, к сожалению, не дошла до широкой литературной общественности, она велась в узкой среде редакционной и секретариата и уже после напечатания романа вышла в печать в виде предисловия к роману.

ния романа выглядела красноречиво на страницах ССР — наш орган, который должен был бы решать такие принципиальные вопросы.

Когда этот роман впервые появился в редакции журнала «Новый мир», Б. Агапов на заседании редколлегии журнала самым решительным образом раскритиковал роман именно за то, что в нем содержится реакционная философия.

Когда роман перешел на рассмотрение нового состава редакционной коллегии «Нового мира», там разгорелась дискуссия по поводу романа. Эта дискуссия была перенесена на секретариат союза, где выступал М. Бугеннов, сказавший:

«В романе нет атмосферы обороны Сталинграда, настоящих его героев, партийной организации, рабочего класса... Роман так написан обывательской, мешаниной, что это не советская интеллигентная семья, а откудова из прошлого... Когда весь этот мир выпал на страницы романа «Сталинград», то это звучит клеветой на защитников Сталинграда».

На этом же заседании секретариата выступил Б. Катаев. Он сказал о Гроссмане и его концепции: «Я не люблю его претензии на философию. Толстой полемизировал с Тьером, с традиционными представлениями об Отечественной войне, а... у нас морально-политическое единство, я думаю так, как думает партия... Если начать философскую «самодельность», она обидит этот роман».

Роман не раз переделывался. Дискуссия еще раз развернулась на секретариате, и все названные товарищи подтвердили свою точку зрения. Б. нам присоединился Л. Кожеников: «Люди написаны с точки зрения художественной очень живо, но не показана наша общественная сила в этих людях... В них нет тех волевых черт, когда люди руководствуются своим сознанием, тем, что мы называем чувством советского патриотизма».

Когда роман вышел в свет, заложил до появления статей в советской печати, на первом обсуждении романа в секции прозы выступил Л. Козлов, один из редакторов Всесоюзиздата. Оценка романа была дана им в основном неправильная, но им было высказано существенное замечание, которое не было принято никем во внимание.

«Хотелось бы указать на ошибку, которая имеется в философии Гроссмана. Мне кажется, эта ошибка сродни ошибке, которая была допущена в «Если верить пифагорейцам»».

Таким образом, было достаточно голосов в оценке этого романа, которые должны были нас насторожить, заставить прислушаться. Но почему же этого не произошло? Потому что и в Союзе советских писателей и в редакционных коллегиях сло-

жилось такое положение, при котором решение многих вопросов идейного порядка — оценка произведений, формулировка той или иной серьезной проблемы — очень часто зависит от мнения нескольких человек из руководства. У нас слишком резко применяется нормальный принцип коллективности в работе.

Секретариат Союза писателей, если взять его московскую часть, только формально состоит из десяти лиц, а реально действует в гораздо более узком составе. Работают всегда одновременно два-три человека, которые, между прочим, целиком подменили и работу президиума. А ведь президиум представляет самые разнообразные силы нашей писательской организации и по существу именно он должен был решать основные идейные, творческие вопросы нашей литературы, с учетом общественного мнения, на основе критики и самокритики.

Таков один из выводов, который можно сделать из ошибки, допущенной по роману Гроссмана «За правое дело».

Нам долг помнить всегда о том, что по вопросу о коллективном руководстве у нас есть исторически указание товарища Сталина. Он говорил: «Нет, единолично нельзя решать. Единственные решения всегда или почти всегда — это решения коллектива. Во всякой коллегии, во всяком коллективе, имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе, имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения. На основании опыта трех революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не просверленных, не исправленных коллективно, 90 решений — это ошибки».

## 2. Об ошибках редакции журнала «Новый мир»

Ошибка с романом Гроссмана вынудила секретариат Союза писателей внимательно проанализировать работу журнала «Новый мир».

В работе журнала «Новый мир» имеется много ошибок. Есть ошибки идейного характера, чрезвычайно существенные для нашей литературы. Есть и просто проявление небрежности в работе над редактированием журнала.

Как известно, в журнале «Новый мир» была напечатана антипартийно-антисталинская статья А. Гупкина «Сила положительного примера». Ошибка эта совершенно была то же при поддержке членов секретариата — Фалеева и Суркова, что, однако, не снимает ответственности с редакции журнала.

В журнале было напечатано идейно-неверное стихотворение Н. Асеева «Низ»,

Сокращенная стенограмма доклада на президиуме правления Союза писателей 24 марта 1953 года.



Народы, живущие на просторах нашей Родины, издавна черпали живительную силу в неиссякающих родниках русской культуры. Русская литература изучала прелесть огня, звала на борьбу против тирании всемирных рабовладельцев, согревала обаянием и светом. Все это — чужое, гуманное, демократические традиции Максима Горького раздвинули шире и глубже, подняли на новую высоту. Сталившая эпохой дружбы советских народов обрела в Горьком своего пламенного глашатая.

Латышский народ любил всем сердцем Горького с самых первых шагов его литературной деятельности. В начале нашего века, когда атмосфера была насыщена ожиданиями бури, во время революции 1905 года произведения Горького приобрели в Латвии огромную популярность и любовь.

Для латышской литературы Горький стал незаменимым учителем, и влияние его росло с каждым годом. Примером всей своей деятельности он требовал от художников слова всестороннего знания жизни, демократической революционной направленности, горячего и мастерства.

Народный латышский поэт Ян Райнис, которого Максим Горький в своей речи на I Всесоюзном съезде писателей в 1934 году назвал мощным поэтом, чувствовал влечение к великому писателю первой в мире социалистической страны. Андрей Упите снова и снова перечитывал его произведения. «Чрезвычайно высоко ценю Дерюмов, Пушкина, Гаюля, Щегрина, но выше всех — Максим Горького», — отмечал он в одном из своих писем. Усвоя у лучших советских писателей и в особенности у основоположника советской литературы А. М. Горького углубила мастерство Виктора Лакса. На произведениях Максима Горького учился наш писательская молодежь. В семье писателя Советской Латвии нет ни одного литератора, который не чувствовал бы в своем труде неслыханное и благотворное влияние Горького.

У основоположника социалистического реализма учатся ныне латышские прозаики, поэты, драматурги, критики и публицисты. Сформулированный Горьким тезис о социалистическом гуманизме, о достоинстве и назначении человека, стал неотъемлемой частью нашего мышления и мировоззрения.

Было время, когда некоторые из нас судили об Америке лишь по прекрасным поэмам и стихам Лонгфелло и Уитмена. В очерках Горького мы увидели капиталистическую Америку, парство Желтого Дьявола, увидели подлинное лицо американских миллиардеров.

Горький учил и продолжает учить разить врагов острым жалом сатиры. Он всегда поддерживал, взращивал в нас светлый оптимизм победившего класса, создающего новое человеческое общество. Вместе с сотнями миллионов людей он борется ныне за мир, за демократию, против поджигателя новой войны.

...Из воспоминаний моих детских и школьных лет выступают Макаш Чудра, Чекаш, старуха Изергиль, взлетает из предгрозовым туманом вольный Буревестник. В своей литературной работе многим я обязан примеру и влиянию Горького, зовущего к жизни, к деятельности, к безудержному труду.

Горький глубоко дорог всем писателям Советской Латвии.

О Горьком хранят дорогие воспоминания наша старая Рига, где он побывал.

Горького горячо любят весь латышский народ.

Ян СУДРАБАЛН,  
народный поэт Латвии

В журнале «Новый мир» появилась статья В. Огнева «Исности!», давшая неправильную, исходящую из групповых позиций оценку наследия Маяковского.

Крупной ошибкой журнала «Новый мир» является то, что он печатал повесть Э. Казакевича «Сердце друга» (№ 1 за 1953 г.). Повесть эта рядом своих сторон переключается с тем, что подверглось критике в романе Гроссмана. На этой повести тоже лежит печать убогости, как бы обреченности людей. В показе людей Казакевичу не в такой степени, как Гроссману, но тоже присуща манера нарочитого принижения героизма. Возьмем, например, капитана Балекина, выдающегося командира военного катера. Он показан в своей семье так, что даже сам Казакевич говорит, что иной, взглянув на эту мешанину картин, не создал бы правильного представления о Балекине. Но справедливо ли это для характеристики именно такого человека?

Возьмем эпизод, когда Акимов, главный герой повести, плавает в лодке, приходит к товарищам в одиноком учительнином. Вернувшись к друзьям, среди которых и любимая Акимовым девушка, Акимов ведет себя, как будто ничего не случилось, и сам говорит о себе: «Как ловко человек умеет скрывать свои некрасивые тайны».

Могло ли случиться с героем то, что произошло у Акимова с учительницей. Чего не бывает в жизни! Но так ли повел себя Акимов, вернувшись к друзьям и любимой девушке? Нет, такой человек, как Акимов, стыдился бы и внутренне осуждал себя. Да в романе Горького интеллигент — отец Аня Белозеровой. Аня не сказала отцу, вышла замуж, забеременела. Отец, даже не узнав о том, что она вышла замуж, бросает беременную дочь и уезжает. Это фальшиво.

Да, человека мало показывать всесторонне, в положительном и в недостатках. Да, мы знаем, что совершаются более или менее плохие поступки и хорошие поступки. Но важно видеть в человеке главное, важно правильно видеть стимулы поведения человека и как человек реагирует на свои поступки, и вообще смотреть на него с лица, а не сзади. В повести Казакевича люди живут, как трава растет, бездумно. В его героях при всем том, что они в большинстве своем люди цельные, не только не заострена, а большей частью вовсе не показана их идейная жизнь. И получается, что, хотя люди совершают героические поступки, они не живут, а ползают по жизни.

В повести Казакевича содержатся и такие «философские» рассуждения, которые переключаются с романом Гроссмана. В конце повести, когда погибает Ах-

1. Мы у себя в библиотеке парткома часто устраивали чтения отрывков из произведений Максима Горького. Этим вечерам мы дали название «Горьковские чтения».

Как прочно, насколько вошел он в нашу жизнь!.. Помню, прочел я однажды статью Макаренко «Максим Горький в моей жизни». Удивительный человек, — своей статьей он словно подтолкнул меня к Горькому, посоветовал быть ближе к нему. И, может быть, это будет дерзко с моей стороны, но и я, штатироп, сказал бы своим товарищам — агитаторам и пропагандистам: ближе, друзья, к Максиму Горькому.

Читая Горького, я начинаю лучше и глубже понимать и видеть: какое это прекрасное и великое искусство согреть человека, как однажды выразился Алексей Максимович, сознанием реальной полезности его труда, возбудить в нем волю к дальнейшим победим. Сам Горький сказал: зажить в людях жаркое желание приблизиться к будущему.

Вот и в этот мартовский вечер, в день рождения Алексея Максимовича, мы собрались в просторной комнате инженеров-высших. У меня оказалось много добровольных помощников, людей, любящих Горького. Старый крепкий Гераим Приходько и механик участка Константин Чичка помогали мне устроить выставку произведений великого писателя. Горасим Иванович по райкомской любви — он заместитель редактора шахтной стенгазеты «Горняк» — собрал труды Горького, во время нашествия гитлеровских оккупантов он зарыл на своем огороде ящик со старыми газетами и журналами. Он-то и принес мне аккуратно сшитые им горьковские статьи, печатанные в разное время в «Правде» и журнале «Наша достижения».

Честные столы были отодвинуты к стене, посредине поставили большой стол, за которым обычно работает вешуш конструктор Алексей Кузьмич Гурин. За этим столом усаживались агитаторы, пропагандисты, инженеры.

Я положил рядом с собой — для храбрости, так сказать, — свою тоненькую тетрадь времен «СТЗ» и «ЧТЗ». В эту тетрадь я записывал свои комсомольские впечатления.

В эту же тетрадку вложил, или, вернее, вложил, вырезка, почти целый газетный лист сталинградской газеты «Буря». Он мне очень дорог, этот газетный лист, рассказывающий о далеком — близком.

2. У конструктора Гурина (он внедряет у нас на шахте свою машину, горный комбайн для пологих пластов) есть свое рабочее понятие — момент заката машины. И для меня этот начальный момент, — в докладе ли, в беседе ли, — момент «зависки» мучительно труден.

Гурин, должно быть, хорошо понял мое состояние — обрел! — и, желая подбодрить, шепнул:

— А вы, Пятелев, смелее.

Лучше всего вот так и начать словами Горького — из «Детства». Я очень люблю эти заветные строки горьковские:

«В детстве я представлял сам себя узлом, куда разные, простые, серые люди спускали, как пчелы, мед своих знаний и ум о жизни, щедро обогащая душу мою, то чем мог. Часто мед этот бывал грязен и горек, но всякое знание — все-таки мед».

Стоило мне произнести эти горьковские слова, — от них повело чем-то удивительным, — и сразу же стало легко, исчезла скованность, робость. Помните, сказал я своим товарищам, помните, — бродит в лесу Алеша Пешков с бабушкой, плут они все дальше и дальше в лес, в синеватую мглу... И мысли молодого Горького: «Нельзя и думать...» А хорошо бы иметь такой ум, «чтобы я мог все устроить иначе, получить как-нибудь. Пусть бы люди слушали меня с торжеством, — уж я бы искал, как жить лучше!»

Поскатель лучшего, он таким и был всю жизнь, помогал людям искать и находить себя, свою дорогу к лучшей жизни.

Я не знаю другого писателя, который бы так близко стоял к нам, к нашей эпохе, к ее людям. Когда читаешь Горького, то чувствуешь, как он касается доброго и ясного в человеке. И это происходит потому, что мы, весь народ советский, являем из Горьком, своего человека, свою жизнь — судьбу, свое будущее... Великий художник, он умеет соприкасаться с людьми, а мы сказали его же словом, в тесную массу одиночествов.

Суровая умница-жизнь выковала в нем нежность и синичиных мерзостей и горячую веру в будущее России. Сказал же он однажды в письме к Короленко:

«Я всю жизнь искал в людях хорошие, добрые чувства и — пахотка, то, горю, и выдумывал их. То, чего нет — не выдумываешь». И он не выдумал Мать, Павла Власова, Андрея Находку, Нила, Людей, делавших великие дела. Они были в жизни. Нужно было только внимательно взглянуть.

А как все вокруг меня задымилось, ожило, когда я прочел письмо Ленина к Горькому — то письмо, в котором Владимир Ильич точно подталкивает Алексея Максимовича:

«Не напишите ли майский листок? Или листочек в таком же майском духе? Боротенское письмо мое, особенно тронуло Ваше слово: «духотомейное». Все-таки, бодрее, оно будет легко на широкой ладони ведущего конструктора. Сильным движением руки Гурин как бы подбросил его и звонко, в два удара произнес:

— Духотомейное!

Все творчество Горького в главном тоне своем и является духотомейным. Читаясь Горького, и друг одно какое-нибудь слово пост, светится — толкнет в сердце оживляющим толчком. Давно смотрел я на «Мещане», давно читал ее и кое-то позыбал. Но вот это слово — настраивало — прочно овладело моей памятью. Его проносит Тетерев. Помните: «люди стараются жить». Удивительно тонко подмеченное и сказанное ощущение нарастающей жизни!

Она из горьковских героев уже настолько жила, завоевывала будущее. Это машинист Нил:

— Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но не устроилось... что оно потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я — не богатый, а просто — честный, здоровый человек, и я все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю мое желание выплыть в самую гущу жизни... месье не так, и этак... тому — по-мешаю, этому — по-мешаю... вот в чем радость жизни!

Гурин делает быстрый и требовательный жест:

— Ну-те-ка, — говорит он, — дайте-ка взглянуть.

— Когда написано? — спросил механик Чичка. — «Ничего! Наша возьмет!»

— Давненько, — ответил Гурин, — в первом году двадцатого века.

— Давненько, а близкое...

Маша Федорова — на шахте его прозвали «Живое дело» — рынком встал на ноги, походил к вешуш, взял из его руки книгу, прочел про себя и, блеснув глазами,

выбросил вперед сжатые в кулак загорелые руки, громко и весело сказал:

— Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!

Мне сперва казалось, что такое вторжение в беседу о Горьком снизят и заглушат ее. Но затем я увидел, что «вторжения» эти несколько не снижают, а даже как-то оживляют и поднимают общий тон беседы.

3. В повести «Мать», в этой «очень современной книге», как о ней сказал Ленин, книге, по которой учились русские рабочие, есть для меня особенно дорогие строки: в них, мне кажется, возникает облик самого Горького с его глубокой верой в будущее России. Помните разговор Андрея Находки с Никольной?

Упрямо наклонив голову, Находка говорит:

— Все любит близкое, но — в большом сердце и далекое — близко!

Эти два слова, столь обыкновенных и простых — «и далекое — близко», — сказанные много лет назад, вдруг будто оживают. Впрочем, правильно будет сказать, что они всегда были живыми, эти горьковские слова-мысли.

О Ленине Горький писал: он «умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это, мне кажется, потому, что, по-настоящему великой души своей жил в будущем, железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных».

Сталки, как и Ленин, умел предвидеть то, что должно быть. Великое умение — «видеть все, что может и должно быть сегодня завтрашнему дню», — эту черту, свойственную советским людям, воспитанную в них партий, хорошо выразил Горький: «делай далекое близким».

Самая мысль — приближать будущее, прилагать мои товарищам по душе. Я попробовал сойти, так сказать, на конкретную почву и осторожно заметил:

— А ведь и вы, товарищ вешуш конструктор, вы и наши товарищи-инженеры, шахтеры «Красной звезды», оседавшие горные комбайны, — из тех советских людей, о которых Горький метко и просто сказал: «Схватив делом за сердце».

— Ну, знаете, штатироп, — шутливо сказал Гурин, — тут вы, кажется, того... Впрочем, — он чуть потише и раздумчив проговорил: — если взять эту горьковскую формулу «далекое — близкое» в широком понимании, так сказать, в диапазоне возможностей советского человека, то да... в большом сердце и далекое — близко.

П. оживившись, сказал с кажим-то смущением:

— Да ведь дело-то наше масштабное. Перспективное, так сказать. Как же его не любить... Пятнадцать комбайнов в работе. И это — на вождю!

4. Если нанести на карту маршрут его похода, — какая великая жажда видеть, смотреть жизнь!

Сам Горький назвал это «прохождение» наук — обучением у действительности и в великой героической писателе: «продолжайте учиться у Ленина и у его учеников...»

Старый Приходько, наев очей, читает медленно, вслух горьковское, хохочет: «Я не могу оторваться. Некогда!» Тетрадка идет дальше по кругу, от одного к другому, — синяя тетрадка с газетной вырезкой. И горьковские слова произносятся на разные лады: то задушично-тихо, то весело-громко, то по-ионическому звонко. И мне все кажется, будто сам Алексей Максимович о нас, — ожил он в наших голосах:

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по-мешаю. И пришептывая: — Прелесть какая! Смело, хорошо!»

«...Месье не так, и этак... Жизнь! — Тому — по-мешаю, этому — по



# ВИВА, ТОЛЬЯТТИ!

В эти дни трудящиеся Италии, сторонники мира во всем мире отмечают 60-летие вождя итальянского народа, генерального секретаря Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти. В эти дни по всей Италии проводились торжественные заседания, митинги.

Итальянские трудящиеся дали отпор попыткам реакционных властей воспрепятствовать проведению митингов и собраний по случаю 60-летия Пальмиро Тольятти. Например, в Морано-Казабро (провинция Калабрия) полиция попыталась сорвать митинг местного населения, собиравшегося, чтобы отметить 60-летие вождя итальянского народа. Митинг, однако, состоялся. После его окончания полицией были арестованы активисты местной организации компартии. В ответ на эту провокацию был тут же организован народный митинг протеста, во время которого 42 человека подали заявление о преследовании в коммунистическую партию.

Плотный, среднего роста, подвижной человек, с густой, уже седой шевелюрой, с умными черными глазами за стеклами очков, с твердыми, но всегда готовыми сложиться в улыбку губами — таков облик Пальмиро Тольятти. Его знают миллионы людей не только в Италии, но и во всех странах мира, где имя Тольятти пронизано уважением и любовью, как имя одного из крупнейших деятелей международного рабочего движения.

У нас от сталинской выдумки, ленинской школы, — сказал нам как-то в Венеции коммунист-стеклодув из Мурано, и в этих словах проявилось главное, что характеризует отношение простых рабочих людей к Тольятти: глубокое уважение к нему, как к человеку и вождю, сыновья любви к нему, как к товарищу по партии и отцу по опыту жизни!

Изъявления этой любви вы видите в Италии на каждом шагу. Митинги, на которых выступает Тольятти, превращаются в поистине народные многотысячные собрания людей доброй воли, для которых не безразлична судьба их родины. Именно в Коммунистической партии Италии они видят главную силу в борьбе за национальную независимость и свободу страны, за мир и демократию, за счастье народов.

В дни всенародных манифестаций можно в течение многих часов ехать по дорогам Италии десятки и сотни километров — из города в город, из села в село, — и всюду вы видите портрет человека, к которому несется приветственные возгласы тысяч и тысяч людей:

— Вива, Тольятти!

Омываемая голубыми теплыми морями, укрытая с севера Альпами, залитая солнцем, Италия как бы самой природой предназначена для того, чтобы быть прекрасным, вечно зеленым садом, местом радости и счастья для всех людей. Увы, вместо этого Италия, едва ли не больше любой другой западноевропейской страны, вот уже много лет (вернее, столетий!) является страной горя, тревоги и нищеты. И не зная болотом растаявшая земля, не выносившая, не омываемая ила апелловых рощи, не палмы на юге и не голубые залиты воспоминаниями прежде всего, когда мы думаем об Италии. Отсталый, полуфеодалный юг страны с голодной армией батраков и испорченных, хищнических промышленников и финансовых монополий на севере, обремененных миллионами рабочих и служащих на бедственную и голодную жизнь, политика правящих кругов, обрекающих страну на полное подчинение американскому империализму, реакционная антинародная деятельность Ватикана — вот что приходит на память прежде всего, когда ду-



Пальмиро Тольятти

маем об Италии, мысленно окидываешь взглядом ее от севера и до юга. И в этой стране, живущей тяжелой, тревожной жизнью, имя и деятельность Тольятти, поистине героическая борьба созидания и вместе с Антонио Грамши коммунистической партии, исполненная воли к борьбе и победе самоотверженной работы смелых, честных людей, являются светом более ярким, чем свет полдневного солнца, теплом более сильным и человечным, чем тепло всех морей, омывающих эту страну!

В Тольятти счастливо сочетаются качества выдающегося ученого и пламенного трибуны, превосходного организатора и агитатора-пропагандиста, товарища и борца. Руководящийся великим учением Ленина — Сталина, гениальной речью И. В. Сталина на XIX съезде КПСС, опираясь на всемирно-исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза, Тольятти и его соратники мужественно и мудро организуют и воспитывают рабочий класс и широкие массы трудящихся Италии.

Кто из истинных патриотов Италии не примет, как голос собственного сердца, призыв Тольятти к борьбе против иностранной и прежде всего американской империализма в экономической и политической жизни страны?

В чьей душе не отзовется горькие и гневные слова Тольятти о том, что правящие круги и господствующие классы Италии чужды народу, что они стали орудием в руках американских империалистов, превратили жизнь миллионов простых итальянцев в тяжелое, поистине трагическое испытание их духовных и физических сил, их будущего?

Кто из честных людей Италии не согласится с характеристикой, которую Тольятти дал Ватикану, как международной реакционной силе, действующей против коренных интересов народа?

Кто не откликнется на его призыв бороться с провокаторами и зачинщиками новой войны?

Кому из простых людей не понятен призыв Тольятти к расширению и укреплению единства всех демократических сил страны?

Коммунистическая партия Италии и ее руководители завоевали любовь и доверие своего народа, ибо в их лице народные массы видят верных друзей Советского Союза и последователей великого учения Ленина — Сталина. Приветствуя своего вождя Пальмиро Тольятти в день его шестидесятилетия, итальянский народ гордится им, как стойким учеником Ленина и Сталина, испытанным другом Советского Союза, безаветным защитником дела мира.

Д. М. ЕРЕМИН

# ЛИЛИПУТЫ БЕСЧИНСТВУЮТ

Есть такое выражение: каждый народ имеет тех правителей, каких он заслуживает. Трудно поверить в это фатальное утверждение, приглядываясь к действительности капиталистического мира. Что общего, например, между прекрасным французским народом и его правителями? Между ними пропасть. И в этом — трагедия Франции.

Народ великих энциклопедистов, народ Рабле, Бомарше, Вольтера, Гюго, народ Парижской Коммуны, народ Мориса Тореза и Фредерика Жолио-Кюри, народ патриотических Сопротивлений, мужественных «франтиеров». На шее этого народа сидит кучка лилипутов на теле великана, связанного по рукам и ногам «золотыми» веревками Уолл-стрит. Поистине зловещее зрелище!

Лилипуты бесчинствуют. Это именно они втоптали в грязь трехцветный флаг некогда независимой Франции со словами «свобода, равенство, братство». Благодаря их усилиям свобода окончательно превратилась в свободу подыхать от голода, равенство — в равенство с недобитыми бонскими эсэсовцами в рядах «европейской армии» и братство — в право гнить в братских могилах Вьетнама.

Лилипуты бесчинствуют. Газеты сообщали о разгроме помещения Всеобщей конфедерации труда. Арестован главный редактор газеты «Мунанте», блестящий французский писатель Андре Стиль. Арестованы секретарь Всеобщей конфедерации труда Франклин Жюльен Молино и Андре Толье. Выданы ордера на аресты Бенуа Франона и активного профсоюзного деятеля среди молодежи Марселя Дюффина. Производятся сотни обысков. Взымаются письменные столы. Звенят разбитые стекла. Париж в эти дни напоминает нам Нюрнберг и Мюнхен времен разгрома гитлеровского фашизма.

Лилипуты всегда начинают бесчинствовать перед тем, как собираются совершить какую-нибудь очередную злобу против своего народа. Аресты произошли в день отъезда в Вашингтон французских министров во главе с премьером Мейером. Вот, дескать, мы такие — покляне Аленуара!

Андре Стилю будет предьявлено обвинение в посягательстве на «внешнюю безопасность государства». Лилипуты потеряли остатки совести. Благородный французский патриот Андре Стиль неутомимо, последовательно борется и борется за истинную независимость Франции. Он не хочет, чтобы французские границы были открыты для гитлеровцев из Западной Германии. Он не хочет, чтобы на французские поля сались сотни и тысячи американских реактивных бомбардировщиков. Он не хочет, чтобы французские школы были превращены в казармы. Он требует, чтобы Франция была свободна и независима. Он говорит, что Франция принадлежит французам.

Если это — покушение на внешнюю безопасность государства, то что же такое защита внешней безопасности государства в понимании лилипутов? Вероятно, это — превращение Франции в плацдарм для нападения на Советский Союз, превращение некогда независимой Франции в колонию.

Но пусть лилипуты не обольщаются. Они стараются как можно крепче связать французский народ по рукам и ногам. Но народ жив, он борется. Он разорвет «золотые» веревки Уолл-стрит. Миллионы патриотов скажут свое веское слово. Андре Стиль брошен в тюрьму. Это произошло уже не впервые. Французский народ и на этот раз не даст в обиду своего писателя.

Советские люди протягивают руки мужественному коммунисту, борцу за мир, чудесному писателю Андре Стилю и говорят ему:

— Андре Стиль, мы вас любим. Будьте мужественны! Так же, как и вы, мы верим в прекрасное будущее Франции.

Валентин КАТАЕВ

# ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

Воззвание к общечеловечности, принятые на днях комиссией Конгресса народов в защиту мира, которой поручено довести до сведения правительств пяти великих держав Обращение Венского Конгресса по поводу заключения Пакта Мира, создало во Франции с началом самой большой кампании за мир, какую когда-либо проводили в Англии борцы против угрозы новой войны.

17 мая в Манчестере созывается национальный Конгресс действий в защиту мира. До его открытия намечено провести районные конференции и митинги по всей Англии. Уже подготовлено проведение 70 митингов. На этих митингах британскому народу будут изложены цели предстоящего Конгресса и подробно рассказано, сколь велико значение действий в защиту мира.

Особенностью районных конференций, как заявляют в Английском комитете защиты мира, является то, что все присутствующие смогут принять участие в выборах представителей в Генеральный совет английских комитетов защиты мира и в исполнительные комитеты на местах.

В настоящее время Английский комитет защиты мира рассылает 20 тысяч приглашений общенациональным и местным политическим, религиозным и нацифическим организациям принять участие в Конгрессе действий. В тексте этих приглашений указывается на усиленную угрозу, которую несет миру угроза войны и безопасности всех народов. Хотя опасность войны велика, говорится в приглашении, ее можно предотвратить, если наши усилия, направленные к миру, будут еще больше усилены.

Идея созыва Конгресса уже получила поддержку со стороны англичан, мужчин и женщин разных взглядов и вероисповеданий, членов различных партий и организаций.

На Венском Конгрессе, выступая в пользу заключения Пакта Мира между пятью великими державами, бывший генеральный секретарь национального союза железнодорожников Джеймс Фингине, недавно ушедший в отставку, подчеркнул, что колоссальные затраты на вооружение снижают жизненный уровень рабочего класса. Есть руководители профсоюзов, заметил он, которые, несмотря на неоднократные уроки последних лет, утверждают, что решение проблемы заключается в увеличении экспорта и снижении цен на экспортную продукцию. Однако это неизбежно повлечет за собой дальнейшее сокращение производства товаров для населения и су-

жение внутреннего рынка, т. е. еще большее падение заработной платы, усиление безработицы и углубление кризиса. «Правильное решение, — сказал Фингине, — заключается в политике мира».

Английский народ со все увеличивающейся энергией поддерживает требование о переговорах с целью заключения Пакта Мира. Недавно проведенный выборочный опрос показал, что 75 процентов населения желают встречи представителей Советского Союза, Союзнических Штатов Америки и Англии для переговоров за круглым столом. Только 9 процентов опрошенных высказались против встречи, а остальные 16 процентов — колебались в своем мнении.

Британский народ требует мира. Вопреки этому требованию правое крыло лейбористского руководства объявило, что принадлежность к организациям, борющимся за мир, а также к обществам дружбы с СССР и странами народной демократии — несовместимо с членством в лейбористской партии.

Пятьдесят восемь лейбористов, присутствовавших на Венском Конгрессе, подверглись преследованиям со стороны партийной верхушки. Многие из них были исключены из лейбористской партии, несмотря на протесты рядовых ее членов. Лейбористские вожаки всячески стараются заглушить голоса в защиту мира внутри самой партии.

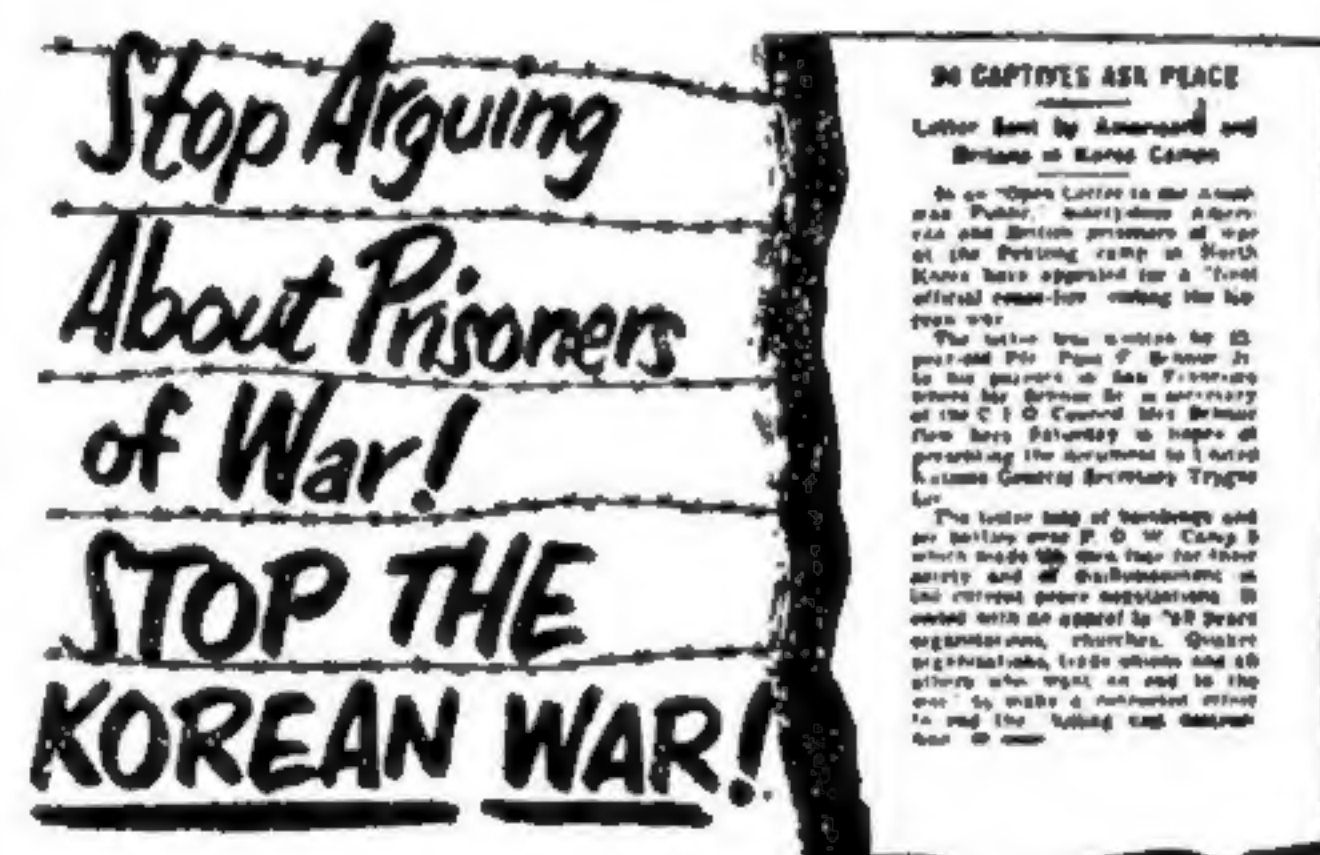
Насколько, однако, тщетны эти попытки, можно судить по материалам, опубликованным газетой «Йоркшир войс оф пиз» («Йоркширский голос мира»), которая начала выходить в Йоркшире. Газета сообщает о том, что некоторые старейшие и активные лейбористы подвергаются гонениям за свою деятельность на пользу дела мира. Так, например, госпоже Мэтьюсон из города Лидс, которая известна, как друг Кир Гарди, одного из основоположников лейбористской партии, угрожают исключением, ибо она приняла пост председателя лидского комитета защиты мира. На это г-жа Мэтьюсон заявила: «Я принимаю участие в лейбористском движении с самого много времени, чтобы отказаться от своих принципов по приказу людей из контора».

Другой лейборист с тридцатилетним стажем, Норман Дэви, был исключен из партии за поддержку в Вест-Йоркшире в газете «Йоркшир войс оф пиз» он излагает свои впечатления о Конгрессе народов в защиту мира:

«Одна мысль была для всех ясна, несмотря на различие в политических взглядах. Существовало ясное понимание основных причин международного напряжения. Как часто можно было слышать такие слова: мы должны добиться, чтобы мирное соуществование двух систем стало возможным».

Это говорят люди, преисполненные стремления предотвратить войну, требующие действия и еще раз действия для защиты мира и заключения Пакта Мира.

Сэм РЭФФЛ  
ЛОНДОН, 27 марта.  
(По телеграфу)



На этой репродукции мы видим сообщение о письме 94 американских и английских солдат, взятых в плен корейской Народной армией, которые обратились к американскому народу с призывом положить конец кровавой войне в Корее. Слева от письма лозунг: «Довольно спорить о военнопленных! Прекратите войну в Корее!»

Репродукция из американской газеты «Голос ветерана в защиту мира»

# АНГЛИЙСКИЕ БУДНИ

## КАРТИНЫ ЖИЗНИ

В Англии наших дней на каждом шагу можно встретить удручающие картины жизни. Они, прежде всего, результат гонимости, из-за которой непрерывно ухудшается положение трудящихся масс, растет безработица, нищета и люди оказываются на грани голодной смерти. О гримасах повседневной английской действительности рассказывают фотоснимки, помещенные ниже.



Перед нами — семья безработного моряка британского торгового флота Чарли Силфа. Силф живет в Ливерпуле — одном из крупнейших портовых городов Англии. С 1945 года он не может найти работу. Семью его детей знают лишь нищета и голод.

Фотография Чарли Силфа и его семьи была напечатана в английской газете «Рейнольдс ньюс».

Дело в том, что Силф написал в редакцию «Рейнольдс ньюс» следующее письмо:

«Единственное, что у меня осталось, — это глаза. Поэтому я со всей искренностью делаю предложение: я готов отдать свои глаза любому слепому человеку в обмен на малейшее, даже самое незначительное улучшение условий существования моих детей».

В этом страшном предложении человека, который многие годы тешно искал работы, возможности прокормить большую семью и пришел к выводу, что иного выхода нет, — газета «Рейнольдс ньюс» увидела «сенсацию» и только поэтому опубликовала фотографию и описание судьбы Силфа на первой странице.

Корреспонденту газеты Чарли Силф заявил: «Это серьезное предложение. Я сделал его не в порыве отчаяния, а после долгого обдумывания».

Я моряк торгового флота... Но ни на море, ни на суше для меня нет работы. Нигде я не могу найти ее. Все время меня волнует и мучает мысль о судьбе моих семнадцати детей. Я хочу вытаскивать их из этой тирюш, хочу, чтобы у них было более светлое существование. Я не желаю, чтобы они росли, как маленькие гангстеры. Недавно я прочитал о больших успехах миллионеров, благодаря которым можно прожить переселку рогом оболочку глаза слепому человеку. Глаза у меня хорошие. И я готов пожертвовать своими глазами ради лучшего будущего для моей семьи. Быть может, найдется слепой человек, который возьмет мои глаза и даст моим детям возможность обрести лучшую жизнь».



Улица Пинкнидл, Центр Лондона. Инвалид войны леним песком тешно пытается заработать на пропитание...

Снимок из журнала «Сайт»

# Некоторые вопросы работы Союза писателей

(Окончание. Начало на 2—3 стр.)

денежные коммунистическим беспартийным, подмена задач воспитания писателей остримом и администрированием, зашумительными методами критики в противоположность критике воспитательной.

«Новороссийцы» извращают ленинский принцип партийности литературы. Партийность литературы, в понимании ее «новороссийцами», доступна только членам партии, коммунистам, людям, которые в силу своей партийной принадлежности будут бы только и могут овладеть методом социалистического реализма.

Это не отвечает действительному положению дел в литературе и ставит своей целью оторвать, отбить беспартийных кадры литературы от партии.

Напомню названную статью «Правды» «Против опущения литературной критики». «Однако еще и до сих пор среди наших литературных критиков», — писала «Правда», — встречаются люди, подменяющие в своих статьях настоятельную, болевую критику зашумительной, вульгарной «критикой», чуждой духу нашего общества и приносящей не пользу, а вред.

В числу таких критических выступлений принадлежит статья А. Белкина «О некоторых ошибках в литературоведении», напечатанная в № 2 журнала «Октябрь» за 1950 год. Эта вредная и путаная статья не имеет ничего общего с большевистской литературной критикой.

И далее «Правда» писала: «...Невежественный и недобросовестный критик А. Белкин не замечаясь, переносит ленинскую оценку буржуазной литературы на советскую литературу. «Весь и по сей день», — пишет он, — в сознании некоторых литераторов не искоренены еще пережитки торгашеских отношений, бюрократизма, элементов карьеризма».

Такой вульгарный, в корне неправильный взгляд определяет недобросовестное, зашумительное отношение А. Белкина к советским литераторам.

Самой собой разумеется, что в условиях все большего сплочения писателей, партийных и беспартийных, вокруг партии под знаменем Ленина — Сталина, в усло-

виях, когда XIX съезд партии поставил перед всеми писателями задачу борьбы за высокое идейно-художественное качество, «новороссийское» течение, как и все другие враждебные течения, будет оказывать нам сопротивление.

При всех различных оттенках этих течений в наше время они все чаще идут в одну лодку, заимствуя методы друг у друга, неумолимо «работая» в литературной среде, на собраниях, в кулуарах, маскируясь, подлаживаясь, а на деле пытаясь в меру своих сил искоренить и дискредитировать правильные указания партии.

Так проповедник космополитизма А. Гурвич в статье «Сила положительного примера» по «новороссийскому» способу зачеркнул всю художественную классику, приписав «левой» фразой о том, что в классической литературе не было никаких положительных героев, и поднал на цит только одно произведение советской литературы для того, чтобы с его помощью разгромить все другие как «недостойные».

Так критик С. Трегуб, пытавшийся возродить печальную память традиции «Нового Лева» (а «новороссийское» течение ничуть не лучше «новороссийского»), пытался использовать имя Маяковского для того, чтобы принизить советскую поэзию, за исключением небольшой группы поэтов. И очень характерно, что Трегуб в этих «новороссийских» методах борьбы подделывал и некоторые представители формалистического течения в литературе.

Одним из наиболее распространенных способов испорчения советской литературы является оглушительное обвинение в «нехудожественности». Это, по сути дела, довольно старый способ, приспособленный к нашим дням: как бы ни было написано наше советское по духу произведение, каковы бы ни были его достоинства и недостатки, раздуваются только его недостатки, чтобы объявить произведение «не отвечающим» уровню требований, поставленным XIX съездом партии. И наоборот: если появилось какое-нибудь произведение, в котором существуют некие недостатки или даже пороки, как в произведении Гроссмана, то вокруг него раздается хвалебный хор, его поднимают на пьед-

стал, чтобы в шум это не слышно было голосом правдивой критики.

Следует вздохнуть, например, в смысле того, что произошло при первом обсуждении романа Гроссмана «За правое дело» на московской секции прозы. Люди, которых уже не раз наша общественность разоблачала, как проповедники космополитических взглядов, поднали пороковое произведение Гроссмана на пьедестал, а явил наивные и неопытные лачал им подкапывать.

«Мне кажется, что новый роман Гроссмана будет павором нашей эпохи, не только Отечественной войны, но и эпохи социалистической», — провозгласил на секции Л. Субочкин.

«Гроссман может одной строчкой дать больше, чем некоторые братья-писатели на многих страницах», — говорил Г. Бровман.

А писатель А. Автеев, который, очевидно, не понимал того, что происходит на его глазах, заявил: «Что бы я ни делал, вся моя душа рвется к этому роману... У меня не хватает эмоций, умения, разума, может быть, образования, чтобы оценить полностью эту книгу... А все же за этим он вполне в «новороссийском» духе попытается с помощью романа В. Гроссмана опровергнуть роман Б. Симонина «Товарищи по оружию».

«Мне хотелось бы поставить рядом с романом Гроссмана роман Симонина», — говорил Автеев. — Ему (т. е. Симонину. — А. Ф.) несподручно, что в номере 10 журнала печатаются эти два романа. И дальше Автеев назвал роман «Товарищи по оружию» «плохим, как могильная плита», то есть оглушил охлад произведение, не лишнее недостатков, но заслуживающее положительной оценки.

Да, мы стремимся правдиво и до конца вскрыть не только злое, а обязательно и художественные недостатки в наших произведениях. Мы мечтаем о советской классике, о неслыханном в истории художественном качестве литературы коммунизма. Именно поэтому мы развешиваем критику и самокритику в наших рядах и будем развешивать ее и дальше, как бы ни обижались те или иные писатели.

Но наша критика — в отличие от критики наших врагов — это критика правдивая, разрабатывая и достоинства и недостатки произведения, стремящаяся определить, приносит ли данное произведение пользу или вред обществу, и если пользу, то — какую, и что мешает данному произведению стать еще более значительной духовной ценностью для народа.

Никогда не было и не может быть писателя равного таланта и умения. Но наша марксистско-ленинская критика, как и критика наших предшественников — революционных демократов, должна находить место каждому полезному и честному работнику в общем хозяйстве.

У нас все еще слаба драматургия, что объясняется и недостаточным знанием жизни и тем, что мы еще мало учимся у классиков. Мне кажется, что наиболее плодотворной для наших драматургов является учеба у Горького, впервые в мировой драматургии выдвинувшего на сцену героя новых масс. Испрековерженный мастер лепки характеров, индивидуализированный, наполненный глубоким смыслом речи, Горький смело строил сюжет, позволявший ему выводить на сцену небылое число действующих лиц. Он относился к себе с необыкновенной скромностью и неоднократно называл себя «слабым» драматургом. Он ошибался. Мне кажется, что нам, писателям, нужно больше учиться у великого драматурга Горького.

В последнее время обозначился некоторый перелом в драматургии. Появилось несколько хороших пьес, хотя и не без недостатков: А. Яковсона «Шакалы», «Ангел-хранитель из Небраски», А. Арбузова «Европейская хроника», Н. Погодина «Когда кончатся копыта».

Я могу назвать еще несколько пьес, которые также имеют свои художественные недостатки, но имеют и достоинства, привлекающие к этим пьесам внимание зрителей. Я назову пьесы А. Софронова «В нелюбимый» и «Наче жить нельзя», Г. Манина «Новые времена», А. Сизукова «Девичьи красавицы», В. Губарева «Павлик Морозов», М. Барина «Друзья Шавытова», А. Араксманяна и З. Варгана «Микаэла Набокина».

Я хочу обратить ваше внимание на то, как в справедливой критике художественных недостатков этих пьес применяются чуждые голоса, стремясь дискредитировать эти пьесы в глазах зрителя и испугать их пот отско.

Так, например, в журнале «Новый мир» (№ 10 за 1952 год) появилась рецензия В. Комиссаржевского на пьесу А. Софронова «Наче жить нельзя», рецензия, которая начисто отрицает пьесу Софронова: «Пьеса показала мне распутную и вращательную, написанную под воздействием восторга, без интересных характеров, без настоящего знания общественной страны». Я не могу согласиться с такой оценкой.

В пьесе Софронова имеются серьезные художественные недостатки, справедливо отмеченные К. Симоновым в статье «Глубоко и поверхностно» («Литературная газета» от 12 февраля 1953 года). Но Симонов верно отметил в пьесе Софронова и целый ряд удавшихся автору образов. Со своей стороны я особенно хочу подчеркнуть удачу Софронова в изображении рабочего Шольца, очень типичного для современной Германии и верно обрисованного автором.

Пьеса поставлена в Малом театре и, как другие пьесы, названные мною, вполне заслуживает того, чтобы идти в театрах страны. А Комиссаржевский не только изничтожает пьесу Софронова, а предпринимает все меры к тому, чтобы и театры не ставили эту полезную пьесу. «...Если пьеса плоха, все равно, ничего путного из этого занятия не получится, как бы режиссер и актеры ни пытались ее спасти», — пишет он о пьесе Софронова.

Вот такую критику я считаю не советской критикой. Она не воспитывает драматурга, а ломает ему ноги.

Вряд ли можно поспорить с тем, что она сложилась в драматургии. Появилось и подражание «новороссийскому» течению. И, однако, в передовой статье «Литературная газета» от 19 марта 1953 года имеются высказывания, которые «новороссийцы» могли бы использовать, как свою платформу.

Не называя ни произведений, ни людей, казавших неверную оценку произведений. «Литературная газета» пишет: «Крупные идеологические ошибки и извращения, имевшие место в некоторых произведениях, опубликованных в последнее время, свидетельствуют о притуплении бдительности в Союзе советских писателей... Чтобы «научиться» еще больше, газета утверждает, что «за «красивой» фразой, за удачно написанным эпизодом, много (много!) — А. Ф. нашедшие писатели и критики не умели различить истинную гниль, извращение нашей действительности...».

Здесь все преисполнено намеком: непонятно, почему роман Гроссмана назван «некоторыми произведениями», почему не сказано, кто именно ошибся в оценке этого произведения, а говорится вообще «о притуплении бдительности».

Главный редактор К. СИМОНОВ.  
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.